

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Статья посвящена обзору исследовательского потенциала биографического метода в политической социологии повседневности. Автор выявляет две исследовательские традиции в политической социологии повседневности и показывает возможности применения биографического анализа в данных направлениях. Во фрейм-аналитической политической социологии повседневности биографический метод связан с концептом фрейминга. В политической социологии повседневных практик биографический метод используется в сочетании с дискурс-анализом.

Ключевые слова: политическая социология; повседневная жизнь; фрейм-анализ; концепт практик; биография.

В последнее десятилетие наблюдается «ренессанс микросоциологии»: в современных социологических теориях исследование глобального мира переплетается с изучением повседневности. П. Штомпка подчеркивает парадигмальный сдвиг к «социологии социальной экзистенции», в фокусе исследовательской оптики которой находится повседневная жизнь.

Социология повседневности активно использует качественные методы исследования, в том числе и биографический анализ. Обращение к биографиям как к методу сбора социально значимой информации является отражением определенных исторических изменений в социальной жизни.

С точки зрения Э. Гидденса и У. Бека, современное общество характеризуется процессом биографизации или биографической эмансипации. В таком обществе у индивида существует большая степень свободы выбора собственной жизненной траектории. Биография становится результатом индивидуальных решений, не скованных жесткими сословными структурными рамками, традициями. Биография перестала быть предзаданной, возможности для конструирования своего Я расширились, и в этом заключается биографизация постсовременного общества.

Биографизация общества как конструирование многообразных и не всегда предсказуемых Я выражается в феномене биографической работы, которая охватывает все социальные слои и среды. В. Фишер-Розенталь пишет о том, что «биографическая работа» как интерпретативная работа по самоориентации на протяжении всей жизни является ответом на проблемы социальной интеграции и социального порядка в эпоху модерна. Именно биография как жанр тематического описания личности (а не научный дискурс идентичности) позволила индивидам организовать свою жизнь во временном аспекте, а также в плане участия в различных социальных институтах и мероприятиях. «Биография по определению подразумевает пересечение индивида и общества. Она делает излишней концепцию идентичности» [1. С. 252].

В интерпретации У. Бека современное общество политизируется посредством индивидуализации, в результате которой формируется сфера «политики повседневной жизни». Социолог подчеркивает мысль об институциональном изменении биографических образов: вторжениях в биографии, их формируемости средствами политики [2. С. 194–196]. Политическое в биографиях очевидно на фоне публичного характера историй жизни, публичности саморепрезентаций и жизнен-

ных конструкций, «политизации» частного, понимаемой и как наличие персон, автобиографически пишущих для воображаемого сообщества читателей [3]. Биографии как формы социальной коммуникации становятся политическими в силу своего публичного характера.

Таким образом, методическим ответом на возникновение новой проблематики индивидуализации жизни стало развитие биографических исследований, в рамках которых делается попытка встать на точку зрения действующего субъекта и воссоздать его мир повседневности.

Исследовательское пространство «биография и политическая повседневность» характеризуется гетерогенностью и междисциплинарностью. Понимание терминов «политика», «повседневность», «биография» имеет широкий диапазон.

Термин «повседневность» (нем. Alltaglichkeit) был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля. Для А. Шюца повседневный жизненный мир – область реальности, которую индивид воспринимает как данность, как «само собой разумеющееся». Повседневный мир – мир рутинной деятельности, мир работы. Г. Гарфинкель подчеркивал важность «проблематизации повседневности»: чтобы открыть правила повседневного взаимодействия, «увидеть» их, необходимо стать чужаком в отношении обычного характера повседневных сцен. Российский исследователь В. Вахштайн рассматривает повседневность как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем.

В современных социальных науках сложился целый ряд понятий, характеризующих истории о личном опыте: персональный нарратив, биография, биографическое интервью. Термин «биографическое интервью» связан с биографическим методом, активно применяемым в социологии и устной истории, когда в присутствии чужого лица в режиме актуализации памяти рассказчик реагирует на стимул исследователя. Понятие «биография» подразумевает самопрезентацию и самописание индивидами прожитой жизни.

Г. Розенталь, В. Фишер и М. Коли рассматривают биографию как социальную реальность особого рода или как поддающийся трансформации, изменчивый социальный конструкт, который формируется, модифицируется в ходе интерактивного обмена с релевантными «другими» социального мира и посредством это-

го сохраняет свои функции ориентирования. Этот социальный конструкт фиксирует интерпретации исторического опыта жизни, но всегда держит их открытыми для дальнейшего переосмысления и для биографического изменения. Иными словами, при исследовании биографического как социального речь идет об общественных функциях биографии и о социальных процессах ее конструирования. Индивиды «производят» биографию в конкретном общественном контексте. Как отмечает Г. Розенталь, концепт рассказанной истории жизни как социального конструкта включает реконструкцию биографии как социальной реальности, которая репрезентирует рассказанную действительность и находится за пределами намерений субъектов [4. С. 130].

В чем заключается социологическая перспектива анализа политики, политической повседневности и биографии? В ответе на вопросы: в каких общественно-биографических контекстах находится политическое действие? В какой степени политическая активность представляет собой биографическую форму обработки специфического опыта? Каков статус политической повседневности в более индивидуализированном жизненном проекте?

Воспоминания, биографии, автобиографии отражают событийную структуру повседневности. Понятие биографии подразумевает описание, которое возникает в результате самонаблюдения и структурирует жизнь индивида как до возникновения определенного события, так и после него. В биографических конструкциях событие трансформируется в историю события как результат отбора персонажей, ситуаций, действий. Затем история события превращается в рассказ о нем, нарратацию. Наконец, вербализация рассказа с учетом дискурсивных особенностей жанра порождает презентацию.

Исследователи подчеркивают: есть различие между текстом и прожитой жизнью, действительностью. Обхождение с различием между событием и повествованием по-разному разрабатывается на методологическом уровне. Г. Розенталь указывает на отличия между рассказанными и прожитыми историями жизни в биографической работе по реконструкции, между прожитой жизнью и рассказом о пережитом. Повествуя о своем прошлом опыте, человек выстраивает его как аутентичный, т.е. события и сопутствующие им переживания и оценки предстают как достоверные и имевшие место. Однако мы согласимся с П. Бурдьё, утверждающим, что эта достоверность вполне иллюзорна [5]. Но именно претензия на аутентичность является конституирующей частью работы, в результате которой формируется нарративное Я рассказчика.

Биография опирается на конструкцию жизненного мира. А. Шюц предложил концепт «биографически детерминированная ситуация» – это своего рода социокультурный опыт, принадлежащий определенному социальному актору в определенный период времени.

В политической социологии повседневности существуют два альтернативных подхода в анализе повседневного мира: теория фреймов *versus* и теория практик [6].

Становление фрейм-аналитической традиции изучения повседневности связано с работами Г. Бейтсона, И. Гофмана, Л. Витгенштейна. Среди российских со-

циологов теоретические основания и базовые концептуализации фрейм-аналитической теории повседневного мира разрабатывают В. Вахштайн, А. Филиппов.

В трактовке И. Гофмана фрейм – это и матрица возможных событий, и схема интерпретации событий. Фрейм позволяет субъекту ответить на вопрос: что здесь происходит? Фреймы организованы в системы фреймов, в которых существует комбинация различных слоев реальности. Важным во фрейм-анализе является процесс транспонирования фрейма, который представляет собой реинтерпретацию некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов; ее перевод в другую систему координат.

Во фрейм-аналитической традиции политической социологии повседневности использование биографического метода предоставляет возможность эмпирического подтверждения концепта фрейминга, активно вошедшего в репертуар исследователей социальных движений. До 1980-х гг. в западных теориях движений не использовался биографический метод, поскольку предполагалось, что необходимо изучать коллективных акторов, а не отдельных активистов движений [7]. В противоположность этому в биографических исследованиях биография понималась как социальный конструкт (В. Фишер и М. Коли), в котором общее, коллективное образуется как индивидуально-биографическое.

С середины 1980-х гг. американские исследователи движений Д. Сноу и Р. Бенфорд разработали концепт фрейминга, который находился в теоретической традиции символического интеракционизма. Основываясь на идеях И. Гофмана, Д. Сноу и Р. Бенфорд интерпретировали фреймы как ментальные ориентиры, определяющие восприятие и интерпретацию событий, а фрейминг – как деятельность движения по созданию смысловых схем, рамок, которые обеспечивают его общественную поддержку. Исследователи выделяли несколько аспектов фрейминга: диагностический фрейм как определение социальной проблемы, прогностический фрейм как создание картины будущего, стратегический фрейм как обоснование выбора движением средств по достижению цели и фрейм самоидентичности (движение позиционирует себя как определенная социальная сила, представляющая интересы населения).

Немецкая исследовательница И. Мите предложила следующую модель фрейминга в теории общественных движений с использованием биографического подхода [8]. Автор исходит из того, что только на основе описания фрейма коллективного действия нельзя сформулировать суждения о процессах в социальных движениях, поскольку каждое изменение приводит к созданию нового фрейма у участвующих акторов. Понимание мотивации участия в социальных движениях связано с анализом механизмов переключения фреймов акторов. Социолог выделяет три аналитических уровня в концепции фрейминга: дескриптивный уровень фрейма, т.е. описание коллективно разделяемой рамки; перформативный уровень фрейминга, т.е. представление того, как образуются эти рамки; уровень переключения (транспонирования) фреймов, который отражает функциональную нагрузку фреймов для акторов. Первый уровень соответствует различным вариациям кон-

цепта фрейминга внутри исследований движений. Второй уровень подразумевает критику статичности исследований социальных движений и различение фрейма и фрейминга. На третьем уровне посредством анализа отдельных биографий изучаются биографические переключения, транспонирования фреймов, иными словами, процессы, которые порождают соответствующие рамки коллективных действий [8. С. 67, 71–72]. В силу того что один и тот же фрейм имеет различное значение для участвующего актора, на третьем уровне обычно выявляется несколько типов биографий, определяется соотношение между фреймами коллективного действия и биографическими рамками. Подобным образом можно исследовать не только что (фрейм) и как (фрейминг), но и почему (транспонирование фрейма).

Таким образом, движения включают в себя различные биографические типы, которые в разном объеме участвуют в производстве фреймов коллективного действия. В зависимости от типа актора рамки коллективного действия могут иметь различные значения. Чтобы это аналитически охватить, следует учитывать процессы переключения рамок, описанные во фрейм-анализе И. Гофмана, и изучать не только соответствующие фреймы и процессы фрейминга, но и биографические процессы, порождающие соответствующую рамку.

Социологической концептуализации «практики» способствовали три современные теории: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля. Российская социология повседневных практик развивается в работах В. Волкова, О. Хархордина, В. Ильина.

Можно выделить следующие особенности понимания сущности политических повседневных практик: политические практики реализуются в рамках специализированной рутины; повседневность присуща публичному и частному пространству; существует фоновый (М. Фуко, Х. Дрейфус, П. Рабиноу) и раскрывающий характер повседневных практик; повседневной практике присущи элементы власти.

В политической социологии повседневных практик дискуссия о методологической связи исследования биографий и дискурс-анализа восходит к критике гуманитарных наук М. Фуко. В рамках фукианского исторического анализа «знания-власти» обсуждается значение гуманитарных наук, и задаются границы биографического исследования, которое связано с конструированием индивида как объекта познания, при этом биографии выступают в качестве элементов господствующего дискурса. Можно ли рассматривать генеалогию гуманитарных наук М. Фуко как отказ от исследования биографий? Ведь в интерпретации французского мыслителя индивид стал объектом научного дискурса вследствие возникновения в XVII–XVIII вв. дисциплинарных методов контроля и подчинения человеческой телесности. М. Фуко писал о смерти субъекта, выступал с критикой трансцендентального субъекта, выдвигал идею историчности субъекта.

Термин «субъект» у М. Фуко употребляется в двух значениях, причем оба связаны с производством: индивид производит в качестве субъекта, контролируют и ставят в зависимость; индивид сам производит себя в качестве субъекта, конструирует собственную иден-

тичность, проявляя заботу о себе. Дисциплинарная тактика позволяет характеризовать индивида как индивида и упорядочивать данную множественность. Субъект производимый конституируется в силу сопротивления властным воздействиям, которые в свою очередь складываются благодаря его сопротивлению. Индивид становится субъектом в момент сопротивления власти, именно властный дискурс заставляет его проявить заботу о себе.

Исследователи подчеркивают важность фукианского анализа современной субъектности для практики биографического исследования: «Изучение биографий постоянно конфронтирует с вопросами подобного типа – являются ли биографии понятными образами, структурами, если индивид постоянно меняет свои идентичности? Можно ли объединить биографический метод с субъект-концептом, который исходит из “децентрированной субъектности”?» [9. С. 165]. Так, производство субъекта в биографическом нарративном интервью имеет следующие особенности: воспоминания артикулируются в языковой форме; самопрезентация жизненной истории создается на основе дискурсов; встречающиеся в биографиях провалы воспоминаний следует рассматривать как их естественную часть (Г. Розенталь). М. Фуко тоже пишет об отсутствии универсальной формы субъекта, субъект не рассматривается им как единство.

Таким образом, использование концепта М. Фуко возвращает в поле зрения социологов следующие исследовательские вопросы: в каких контекстах, кем, какие формы самоописаний ожидаются и как они производятся? Какие дискурсы производят самоописания? Констатируя появление новых форм субъективации, исследователи вслед за М. Фуко рассматривают их в качестве эффектов дискурсивных практик, связывая дискурс-анализ с методологическими размышлениями о биографизации расы, пола, класса [10].

Работы М. Фуко о дискурсивизации, т.е. о переводе в дискурс субъекта, стимулируют биографические исследования. Автобиограф репрезентирует себя, находясь под влиянием дискурсивных режимов. Дискурсы действуют как часть «биографического фонового знания» (П. Альхайт), которое включает в себя уверенность жизненного мира, с которой мы действуем, принимаем решения, строим планы или рассказываем наши жизненные истории. С другой стороны, субъекты – не только носители, но и воспроизводители дискурсов: посредством своих символических перформансов (сюда относится и биография) они могут влиять на формирование дискурса. У М. Фуко индивида в качестве субъекта определяют Другие, в этом плане дискурс – это пространство формирования субъекта. Желание рассказать о себе, по М. Фуко, – это элемент господствующего субъект-дискурса [11. С. 62]. Биографические рассказы разъясняют субъект-конструирующее действие дискурса.

М. Фуко определяет дискурс как концепт порядка, с помощью которого упорядочено общественное знание. Порядок дискурса включает внутренние процедуры, процедуры исключения и процедуры приведения дискурса в действие. В работе «Забота о себе» он пишет о том, что свобода субъекта происходит в отношениях, которые он поддерживает со своим окружением. В этом плане возни-

кает параллель с концептом биографии, которая рассматривается как социальный конструкт с функцией упорядочивания, а не только как индивидуальная работа или характеристика отдельного субъекта [12].

В целом соединение дискурс-анализа с биографическим методом позволяет объяснить вопросы «почему» по отношению к конструктам «знания-власти» и «как» по отношению к позиционированию субъекта. Биография, понимаемая как социальный конструкт, который порождает образец индивидуального структурирования и обработки переживаний в социальном контексте, указывает на общественные правила, дискурсы, социальные движения, предоставляет шанс реконструировать дискурсы и правила с помощью биографического анализа отдельных случаев. Вопрос в том, в какой степени и какие дискурсы обуславливают биографические рассказы.

Таким образом, в условиях биографической эмансипации общества (Э. Гидденс, У. Бек), напряженности биографической работы по конструированию

идентичности существенное значение приобретает метод истории жизни. С помощью биографического подхода можно реконструировать «образцы индивидуального структурирования и обработки переживаний в социальном контексте», которые «указывают на общественные правила, дискурсы и социальные условия» (Б. Дозьен, Г. Розенталь). Он может быть использован в целях выявления того, как происходит «строительство» тех или иных сторон мира повседневности, т.е. той реальности, которая «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (П. Бергер, Т. Лукман). В целом нарративные реконструкции повседневных жизненных историй являются частью биографических исследований и имеют политическую значимость в качестве выражения интерпретируемых «снизу» жизненных историй, а также обладают значительным эвристическим потенциалом в исследовании политической повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fischer-Rosenthal W. The problem with identity: Biography as Solution to Some (Post)-Modernist Dilemmas // *Comenius*. 1995. № 15. P. 250–265.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
3. Heinze C. «Das Private wird politisch» – interdisziplinäre Perspektiven auf autobiografisches Schreiben im Horizont von Erinnerungskulturen und Zeitgeschichte // *Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research*. 2011. № 2. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1681> (дата обращения: 01.04.2013).
4. Rosenthal G. Die erzählte Lebensgeschichte als historisch-soziale Realität. Methodologische Implikationen für die Analyse biographischer Texte // *Berliner Geschichtswerkstatt: Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte*. Münster : Westfälisches Dampfboot, 1994. S. 125–138.
5. Бурдые П. Биографическая иллюзия // *Интер*. 2002. № 1. С. 75–84.
6. Плотицкина Н.В. Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепт фреймов // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. Т. 6, № 2. С. 227–240.
7. Miethel I., Roth S. Zum Verhältnis von Biographie- und Bewegungsforschung // Völter B., Dausien B., Lutz H., Rosenthal G. *Biographieforschung im Diskurs*. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. S. 103–119.
8. Miethel I. Framingkonzepte aus biographischer Perspektive (Das Beispiel der Frauenfriedensbewegung der DDR) // *Forschungsjournal NSB*. 2001. № 14. S. 65–75.
9. Schäffer T., Völter B. Subjekt-Positionen. Michel Foucault und die Biografieforschung // Völter B., Dausien B., Lutz H., Rosenthal G. *Biographieforschung im Diskurs*. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. S. 161–181.
10. Tuidel E. Diskursanalyse und Biographieforschung. Zum Wie und Warum von Subjektpositionierungen // *Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research*. 2007. № 2. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/249/549> (дата обращения: 01.04.2013).
11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 49–95.
12. Schiebel M. Diskursive und biografische Konstruktion politischer Staatsfeind/innen. Kommunistinnen und Kommunisten in der frühen Bundesrepublik Deutschland // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2011. № 2. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1691/3221> (дата обращения: 01.04.2013).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 23 мая 2013 г.